

СТАНИСЛАВ РЫШАРД СТАНДЕ ПОЭТ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ — КОММУНИСТ

Воспоминания Целины Будзыньской

Много лет прошло со времени моей последней встречи со Стахом — Станиславом Рышардом Станде; и когда я пытаюсь теперь восстановить Станде в своей памяти, облик его становится похожим на старую фотографию. Но я хорошо помню худощавую фигуру этого человека, его бледное лицо и характерный искривленный рот. Когда Станде улыбался, лицо его приобретало какое-то насмешливо-ироническое выражение. Часто это вызывало различные толки — так, например, известный польский поэт Ян Лехонь¹, представитель группы «Skamandr», вспоминая в своем дневнике о Станде, находил в его выражении лица презрение и даже неприязнь к своим коллегам из «Skamandra». Но не всем было известно, что искривленный рот Станде, неприятно поражающий тех, кто не знал его близко, — был результатом ранения, полученного им еще в детстве — во время демонстрации 1905 г., когда, по-видимому, погибла мать Стаха, а он сам попал под копыта казачьего коня. Это оставило след не только на лице Станде. В его поэзии можно найти многочисленные упоминания о драме, пережитой им в детстве. Трагично звучат строфы из его поэмы «Медный всадник»:

С тех пор я преисполнен ненависти.
Помню страшное цоканье копыт
И лицо матери, вдавленное в мостовую,
И кровавый поток Театральной площади...²

В 1905 г. Станде было около восьми лет. Но драма эта определила его жизненный путь, сформировала его характер, весь его облик. И в политической деятельности и в поэтическом творчестве Станде преобладала ненависть к жестокому миру угнетения и насилия. Вот почему Станде был прежде всего революционером, а свой талант, свое поэтическое творчество он целиком посвятил политической борьбе, создав из них оружие, которое служило делу рабочего класса, делу партии.

О детстве и молодости Станде известно мало. Он был по натуре замкнутым человеком и лишь в поэзии бывал откровенен; но даже в своих произведениях он меньше всего уделял внимания самому себе. Биографические данные о Станде, относящиеся к этому периоду, крайне скудны.

Родился он в Варшаве 1 сентября 1897 г. Известно, что его отца звали Эммануилом, а мать — Генрикой. Но я даже не знаю, кем был его отец, где провел Станде свое детство. В делах, хранящихся в архиве Ягеллонского университета, есть данные о том, что Станде окончил гимназию имени св. Яцека в Кракове, а в 1916 г. поступил на философский факультет этого университета, где изучал одновременно с философией и польскую филологию. Несмотря на то, что Станде с исключительной добросовест-

СТАНИСЛАВ РЫШАРД СТАНДЕ

Фотография, 1930 «?»

Собрание Марии Гринберг, Москва

ностью сдавал все экзамены и успешно окончил в 1920 г. университет, он решил диплом свой не получать; возможно, он уже тогда определил свой жизненный путь и считал, что официальный университетский диплом не нужен ему для той цели, которую он поставил перед собой.

Но это только предположение. Во всяком случае, еще в студенческие годы он стал заниматься литературным творчеством. Первые его произведения появились в 1920 г. в познаньском журнале «Zdrój», а в 1921 г. он издал во Львове сборник стихов «Młoty». Эти ранние произведения свидетельствовали о несомненном поэтическом таланте автора, хотя в них заметно было влияние поэзии «Молодой Польши»³, которое выражалось в чрезмерной экзальтации, утонченных образах, многословии. В этих стихах чувствуется беспокойство поколения, молодость которого совпала с первой мировой войной, поколения, которое на пороге своей жизни спрашивало себя: «Что же дальше?»

Теперь эти стихи кажутся слишком риторичными. Однако они, видимо, содержали в себе какой-то взрывчатый материал, бунтарскую искру, потому что за чтение этих стихов их автор в 1922 г. был арестован. В 1923 г. Станде вступил в Коммунистическую партию Польши. С этого момента и на протяжении многих лет его нелегальная политическая деятельность неразрывно переплетается с поэтическим творчеством. Очень удачно сказал об этом Гж. Лясота⁴ в предисловии к изданному в 1958 г. сборнику стихов Станде: «Эти строфы словно писались на оборотной стороне коммунистических листовок, и сегодня они ценны как документы...» Стихи Станде — это дневник партийного работника, это картина борьбы, которую партия вела в те годы. Выражением этого был изданный в 1925 г. сборник «Rzeczy i ludzie» («Вещи и люди»), а также поэтический бюлле-

тень «Trzy salwy» («Три залпа»), состоящий из произведений трех поэтов — Броневского, Станде и Вандурского. В этих стихах Станде уже полностью освободился от прежних поэтических влияний, нашел свою собственную, скупую, несколько суховатую, но исполненную внутреннего огня поэтическую форму. Многие из этих стихотворений завоевали большую популярность среди рабочих и особенно у молодежи. Мое поколение, которое на десять-двенадцать лет моложе Станде, воспитывалось на его поэзии и на поэзии других революционных поэтов. Я помню поэтические вечера, которые устраивались в Народном университете, центре легальной культурно-просветительной деятельности Коммунистической партии Польши в 1921—1924 гг., и огромное впечатление, которое производили некоторые стихотворения Станде, например, «Собрания», «Баллада о „известном солдате“», «Провокатор» и многие другие.

Станде был, бесспорно, талантливым чтецом. Я слышала его несколько раз на вечерах поэзии в Народном университете и в рабочих клубах. Но в те годы он не мог часто выступать на открытых вечерах. Ведь он был нелегальным партийным работником, был агитатором, членом Центральной редакции отдела культуры и просвещения ЦК КПП. Для поэтического творчества у него почти не оставалось времени.

Он хорошо понимал значение поэтического слова и считал свое творчество одной из форм борьбы — партийной агитацией.

В кратком вступлении к «Трем залпам» авторы четко сформулировали свою поэтическую программу:

«Мы пишем не о себе. Мы рабочие слова. Мы должны высказать то, что люди других профессий не могут сказать. В беспощадной борьбе пролетариата с буржуазией мы решительно и твердо стоим по левую сторону баррикады. Гнев, вера в победу и радость — радость борьбы — направляют наше перо».

Искривленный ранением рот создавал для деятельности Станде особые трудности, помогая шпикам распознавать его в толпе. Поэтому во время своих частых поездок по Польше и за границу он вынужден был гримироваться, отращивать бороду, усы, прикрывать лицо.

Я помню один незначительный, но довольно забавный эпизод. В 1926 г. меня послали с партийным заданием в Гданьск и Берлин. Как известно, Гданьск тогда был открытым городом, и это часто использовалось при нелегальной работе Коммунистической партии Польши. В электричке, курсировавшей между Сопотом и Гданьском, я с беспокойством заметила сидящего против меня бородача в темных очках, который слишком часто поглядывал из-за газеты в мою сторону.

На другой день, уже на пограничной станции, где я ожидала поезда на Берлин, этот таинственный незнакомец подсел ко мне. Я была совершенно уверена, что он шпики. Вначале этот тип говорил по-немецки, но когда сидевшие невдалеке от нас пассажиры вышли на перрон, он заговорил по-польски, давая мне понять, что прекрасно осведомлен насчет того, куда и зачем я еду. Разумеется, я изображала идиотку, не понимающую, о чем идет речь. Одновременно я украдкой осматривалась в поисках лазейки для бегства. Неожиданно бородач криво улыбнулся. Мое беспокойство тотчас же испарилось, но я продолжала разыгрывать простушку. Подошел поезд, собеседник поднес мой чемоданчик и, прощаясь, попросил передать товарищам привет. «Но, — добавил он, иронически усмехаясь, — вы ведь не знаете, от кого...» Теперь настало время для моего торжества: «Нет, знаю, — сказала я, — стараюсь сохранить равнодушный тон, — от пролетарского поэта Станислава Рышарда Станде...» Выходя на перрон, я оглянулась — в почти пустом, мрачном вокзальном помещении стоял элегантный худощавый человек, на лице которого выражалось крайнее удивление.

Это была моя первая личная встреча со Станде. Я напомнила об этом случае лишь потому, что в нем проявилась характерная для Станде черта: склонность к разыгрыванию, которая порой обижала людей, но несомненно свидетельствовала о его незаурядных актерских способностях.

Вторично я встретилась со Станде уже в 1931 г. Время, прошедшее между моей первой встречей с ним и последующими — московскими — встречами, было для Станде периодом чрезвычайно активной и разносторонней деятельности.

Он целиком отдавался партийной работе, организации пропаганды, редактировал нелегальные партийные издания, устанавливал контакты с различными кругами интеллигенции. Очень часто он выезжал за границу с партийными заданиями. В 1927 г. он участвовал в IV съезде КПП, проходившем в Москве с 22 мая по 9 августа, был на праздновании десятилетия Октябрьской революции. Многократно бывал он в Гданьске и Берлине, где встречался с немецкими писателями-коммунистами. Несмотря на свои многочисленные партийные обязанности, он находил время для сотрудничества в редакции «левого» легального журнала «Dźwignia», а в 1929—1931 гг. был членом редколлегии «Miesięcznika Literackiego». В этом журнале Станде опубликовал много теоретических и полемических статей, а также занимался литературной критикой. Следует напомнить, например, о таких его статьях, как «Марксистская критика», «Марксистское понимание литературы» и др.

Это были трудные для него годы. Он был захвачен идеологической дискуссией, которая велась тогда в партии, и остро переживал борьбу фракций... Видно нелегко было работать и в редакции «Miesięcznika Literackiego» — органа, вокруг которого группировалась левая часть интеллигенции. Непримиримая принципиальность Станде время от времени возбуждала в этой среде протесты.

Для Станде тяжелым ударом, переживавшимся им как личное поражение, была смерть Маяковского — поэта, которого он ценил выше всех и считал образцом революционера.

В начале 1930-х годов нелегальная работа для Станде становилась все трудней и трудней. Ему угрожали арест и продолжительное тюремное заключение. Тогда руководство партии приняло решение послать его в СССР.

В Москве Станде смог уже целиком отдаться творческой работе. В 1931—1937 гг. в СССР вышло несколько сборников его стихотворений⁵ и переводов на польский язык русской классики и советской поэзии⁶. Поэтическое творчество Станде, которое в Польше было подчинено партийной работе, здесь, в эмиграции, заняло главное место в его жизни. В его произведениях этого периода преобладает революционный пафос, гордость достижениями социалистического строительства. Художественная ценность его произведений неравнозначна: рядом с агитками — волнующая лирика из цикла «Сердце»; после неудачной, трудночитаемой поэмы «Магнитогорск» — суровые, впечатляющие строфы «Медного всадника». Создавалось впечатление, будто Станде лихорадочно наверстывал в своем творчестве упущенное за все прошлые годы. Одновременно он был очень активен в общественной жизни, принимал участие в работе секции поэзии Союза советских писателей, часто выезжал на встречи с читателями и на литературные вечера в деревни и города Белоруссии, Украины и Бурят-Монголии, где среди населения было много поляков. Немало времени он посвящал работе в МОРПе.

Его связывала давняя дружба и близкое сотрудничество с секретарем МОРПа и старым товарищем по нелегальной работе в Польше Ст. Люцкевичем. Они часто встречались и обсуждали важные вопросы, связанные с работой МОРПа. Станде по-прежнему поддерживал контакты с пред-

ставителями левых литературных кругов Польши. Я полагаю, хотя это трудно доказать, что он использовал свои старые связи с этими кругами, чтобы с их помощью создать в стране польскую группу МОРПа.

Станде был членом редколлегии журнала «Вестник иностранной литературы», часто писал литературно-критические статьи. Одновременно — вместе с Бруно Ясенским и другими — он редактировал журнал «Kultura Mas», выходявший на польском языке. Я часто встречалась с ним в эти годы не только в редакции «Tygundy Radzieckiej» и «Kultury Mas», но и у него дома. В Москву Станде приехал со своей женой Зофьей Варской, с которой его в течение нескольких лет связывали не только глубокое чувство, но и совместная нелегальная работа. Они жили вместе с сыном Зоси в Доме правительства, около Большого Каменного моста, у тестя Станде — Адольфа Варского, выдающегося деятеля и руководителя партии СДКПиЛ (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы), а позднее КПП. Я посещала их очень часто, с Зосей Варской мы были не только старыми знакомыми — и я и она работали в воскресном литературном приложении «Tygundy Radzieckiej». Комнатка у них была небольшая, мы усаживались на тахте и обсуждали наши редакционные дела. Как обычно, Станде что-то писал, иногда он включался в наш разговор, подсказывал какую-нибудь удачную идею, но чаще всего подшучивал над нашими незначительными, по его мнению, делами. Помню, что во время этих визитов я испытывала какое-то стеснение; мне казалось, что мы мешаем Стаху, и я старалась поскорее закончить беседу с Зосей.

В 1935 г. Станде разошелся с женой, но между ними сохранились дружеские отношения. Последнее время для него было, наверное, самым счастливым в жизни. Он встретил женщину, с которой его связала сильнейшая любовь и глубокое взаимопонимание. Это была известная талантливая пианистка Мария Гринберг. Я встречала Станде в то время почти исключительно на редакционных совещаниях. Этот период его жизни хорошо описал в своих воспоминаниях Ст. Людкевич (сын). Воспоминания эти были опубликованы в сборнике стихов Ст. Р. Станде, изданных в 1958 г. в Польше.

Это были годы расцвета таланта Станде. Из его поэзии исчезла чрезмерная суровость, она становилась теплее, глубже, лиричнее. Станде любил музыку, под его влиянием игра жены становилась более вдумчивой и зрелой. В то время они жили у Ст. Людкевича. Часто по вечерам там собирались музыканты — друзья Марии, товарищи Станде и Людкевича из литературной среды, и оживленно дискутировали. В этих беседах раскрывалась многосторонняя эрудиция Станде. Беседа прерывалась игрой Марии и чтением стихов Станде. Не удивительно, что сыну Людкевича, тогда еще мальчику, на всю жизнь запомнились эти прекрасные вечера.

Один из таких вечеров помню и я. Это был, кажется, конец 1936 г. Мой муж Станислав Будзыньский был тогда заместителем главного редактора «Kultury Mas». Однажды вечером у нас собрались товарищи из редакции. Были Г. Джевецкий с женой, К. Калицкий⁷ и другие. Станде читал по рукописи свою новую поэму «Медный всадник». О его таланте чтеца я знала давно, но еще никогда чтение не производило на меня такого глубокого впечатления, как в тот вечер. Низкий, прекрасно поставленный голос Станде, полно раскрывал смысл стихотворения и рельефно передавал его поэтическую прелесть.

И теперь «Медный всадник» кажется мне самым лучшим произведением Станде, но, по-видимому, никому не удастся так великолепно интерпретировать эти суровые строфы, и они никогда не зазвучат столь драматично и прекрасно, как тогда.

У Станде был довольно сложный характер. Как я уже говорила, он отличался скрытностью, некоторой суровостью, чрезмерной требова-

тельностью к себе и к другим. Многие из товарищей, не принадлежавших к числу его близких друзей, считали его поведение проявлением холодности и даже высокомерия. Мне уже тогда казалось, что это было своеобразной самообороной, самозащитой очень впечатлительного человека. В этом я убедилась во время последней встречи со Станде. Летом 1937 г. я оказалась с двумя маленькими детьми в очень тяжелом положении. У меня было много друзей, часть которых сохранила ко мне прежнюю сердечность и в эти трудные дни. Но только один человек сразу же поспешил ко мне с реальной, конкретной помощью, хотя меня не связывали с ним тесные дружеские отношения. Этим человеком был Станде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ян *Лехонь* (Lechoń; 1899—1956) — известный польский поэт, один из создателей поэтической группы «Skamandr». Группа эта издавала ежемесячный литературный журнал под названием «Skamandr».

² Поэма Станде «*Jeździec miedziany*» («Медный всадник», 1937), написанная им в СССР, на русский язык не переведена.

³ «*Молодая Польша*» («*Młoda Polska*») — литературное течение конца XIX — начала XX в., не имевшее четкой идейно-эстетической программы.

⁴ Гжегож *Ласота* (Lasota; р. 1929) — современный польский литературный критик и публицист.

⁵ В СССР на польском языке изданы поэтические сборники Станде: «*Człowiek kroczy po ziemi*». М., 1934; «*Granatowe i czerwone*». М., 1933; «*Młódzież idzie*». М., 1933; «*Poemat o Magnitostroju*». М., 1937.

⁶ Сборники переводов Станде с русского на польский: *Puszkina A. Gość kamienny. Domek w Kołomnie. Wiersze. Przełożył St. R. Stände. Kraków, 1937; «Przekłady». Mińsk, 1935.*

⁷ Константин *Калицкий* (Kalicki) — член ЦК КПП. В 1930-х годах эмигрировал в СССР. Преподавал в Ленинской коммунистической школе при Коминтерне.